

*Е. В. Сердюкова**

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ ИЛИ ЛЕТОПИСЬ РУССКОЙ МЫСЛИ?

Дискуссия о русской философии

Н. О. Лосского и Л. Галича (Л. Е. Габриловича)**

Во вступительной статье к публикации архивных материалов Н. О. Лосского и Л. Галича представлен смысловой контекст полемики, возникшей вокруг книги Н. О. Лосского «История русской философии» на страницах газеты «Новое русское слово», издававшейся в Нью-Йорке. Критика труда Н.О Лосского оппонентами (прежде всего Л. Галичем) и несогласие Н. О. Лосского с позицией Б. В. Яковенко и ряда других мыслителей, отказавших русской философии в оригинальности, научности и самостоятельности, побуждают Н. О. Лосского написать и опубликовать статьи «Правда ли, что русская философия не самостоятельна» и «Правда ли, что русская философия не научна?». Обе эти статьи Н. О. Лосского были переданы для публикации М. Б. Лосской (Авриль) и впервые публикуются с рукописными правками Н. О. Лосского (внесенными уже после издания статей). Публикуемые материалы включают также статью Л. Галича «Летопись русской мысли».

Ключевые слова: история русской философии, русское зарубежье, архив Н. О. Лосского, Л. Галич, религиозная философия.

E. V. Serdyukova

HISTORY OF RUSSIAN PHILOSOPHY OR CHRONICLE OF RUSSIAN THOUGHT?

Discussion about Russian philosophy by N. O. Lossky and L. Galich (L. E. Gabrilovich)

The introductory article to the publication of archival materials of N. O. Lossky and L. Galich presents the semantic context of the controversy around the book by N. O. Lossky "History of Russian Philosophy" on the pages of the newspaper "New Russian Word", published

* Сердюкова Елена Владимировна, кандидат философских наук, доцент, директор Института философии и социально-политических наук Южного федерального университета; evserdyukova@sfned.ru

** Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00948 «Культурный трансфер между Россией и Францией в контексте феномена русского зарубежья: новые архивные материалы».

in New York. Opponents' criticism (primarily L. Galich) of N. O. Lossky's work and the disagreement of N. O. Lossky with the position of B. V. Yakovenko and a number of other thinkers who rejected Russian philosophy in originality, scientific character and independence, encourage N. O. Lossky to write and publish the articles "Is it true that Russian philosophy is not independent" and "Is it true that Russian philosophy is not scientific?". Both of these articles by N. O. Lossky were submitted for publication by M. B. Losskaya (Avril) and are first published with handwritten edits by N. O. Lossky (introduced after the publication of the articles). Published materials also include an article by L. Galich "Chronicle of Russian thought".

Keywords: History of Russian Philosophy, Russian Emigration, N. O. Lossky, L. Galich, Religious Philosophy.

В этом году исполняется 150 лет со дня рождения выдающегося русского философа Н. О. Лосского, «патриарха русской философии», по выражению его ученика С. А. Левицкого. В историю отечественной философии Лосский вошел не только как создатель теории интуитивизма и идеал-реализма, но и как историк философии.

В американский период своего творчества, в 1951 г. в Нью-Йорке Н. О. Лосский издает на английском языке свой труд — «История русской философии», годом позже книга выходит в Лондоне. Это было первое издание подобного рода, доступное для чтения зарубежным специалистам и просто любителям русской философии на Западе. Книга стала результатом многолетней научной и преподавательской деятельности Н. О. Лосского: публикаций по тематике русской философии и чтения курсов лекций по русской философии в зарубежных университетах. Например, в Словацком университете Лосский помимо прочих читал курсы: «Философия Вл. Соловьева и его последователей», «Философия Киреевского, Хомякова и их последователей», «Философия Достоевского» [2, с. 115–116], до 1951 г. уже были опубликованы статьи Лосского о А. А. Козлове, И. И. Лапшине, С. Л. Франке, статьи о Вл. Соловьеве: «Вл. Соловьев и его преемники в русской религиозной философии» и «Преемники Вл. Соловьева» (причем эти две статьи сначала были опубликованы на английском языке в журнале "The Slavonic Review" в 1923 и 1924 гг. и только в 1926 г. вышли на русском языке в журнале «Путь»), «Учение Вл. Соловьева об эволюции» (1931) и др. [5]

Выход книги стал ярким событием, но оценки труда Н. О. Лосского были весьма разными: от восторженных до негативных. Так, например, в своих «Воспоминаниях» Н. О. Лосский называет имя американского философа Сидни Хука среди зарубежных критиков. В своей рецензии на труд Н. О. Лосского С. Хук отмечает, что, несмотря на то что Лосский пытается подчеркнуть особенности русской философской мысли, «из книги его явствует, что русская философия почти полностью — производная от западной», кроме того, автор книги «недооценивает демократическую, позитивистскую и научную традицию русского мышления» [4]. Были критики и среди соотечественников, среди них — Леонид Евгеньевич Габрилович, писавший под псевдонимом Леонид Галич, имевший свое видение русской философии. Лосский в своих письмах к Д. И. Чижевскому несколько раз упоминал в этой связи Галича. Например, в письме от 6 августа 1950 г. он пишет следующее:

В «Новом Русском Слове» Галич (Габрилович) написал две статьи о том, что никакой русской философии нет. Сергей Александрович Левицкий написал статью

в защиту русской философии. Она должна появиться в «Посеве»; «Новое Русское Слово» не захотело печатать ее под предлогом, что она появилась слишком поздно после статьи Галича» [3, с. 112].

Следует также отметить, что Л. Галич был сотрудником этой газеты. В письме Д. И. Чижевскому от 24 ноября 1951 г. Н. О. Лосский опять пишет о Л. Галиче, но уже в связи с выходом статьи, в которой была подвергнута критической оценке книга «История русской философии»:

Галич (Габрилович) в статье «Летопись русской мысли» упрекает меня за то, что у меня мало сказано о Герцене, об М. Бакуanine, а много, напр<имер,> об от. Сергии Булгакове. Я напишу ему, что если бы я писал историю русской мысли вообще, я должен был бы много написать о Герцене и Бакуanine, но моя книга посвящена лишь одной области мысли, именно философии; Герцен, М. Бакуanine не внесли ничего нового в гносеологию или метафизику [3, с. 114].

Критика Галича явно задела Н. О. Лосского, т. к. он еще раз упоминает об этой публикации в письме к Д. И. Чижевскому от 24 августа 1952 г.:

В рецензиях на мою книгу на меня нападают, обыкновенно, за то, что я мало написал о Герцене, М. Бакуanine, Михайловском. Галич (Габрилович) написал рецензию под заглавием «Летопись русской мысли» и бранил меня. Я ему в письме сказал: «я писал не историю русской мысли вообще, а историю одной области русской мысли, именно философии». Он в одной из статей использовал мое письмо так: «Лосский говорит, что он писал не историю русской мысли, а историю философии; значит, он признает, что область философии не есть область мысли». Ловко «передернул» [3, с. 116].

Этому сюжету посвящено и несколько строк в «Воспоминаниях» Н. О. Лосского:

Бахметев дал из основанного им “Humanities Fund” тысячу долларов издательству “The International Universities Press”, чтобы поддержать издание моей книги “History of Russian philosophy”. В сентябре 1951 г. эта книга появилась в свет. Годом раньше Галич (Леонид Евгеньевич Габрилович) напечатал в газете «Новое русское слово» две статьи, в которых старался доказать, что никакой русской философии нет. Когда появилась моя книга, он написал фельетон под заглавием «Летопись русской мысли», в котором упрекает меня за то, что Герцену, Бакуanine у меня отведено гораздо меньше места, чем, например, отцу Сергию Булгакову. На это я отвечаю, что если бы я писал историю русской мысли вообще, я должен был бы уделить много места Герцену и Бакуanine; но моя книга есть история лишь одной области русской мысли, именно философии, а в подлинную философию, в гносеологию и метафизику Герцен и Бакуanine ровно ничего не внесли.

Вслед за этим Галич в статье своей, кажется о Льве Шестове, цитируя из моего письма только первую часть сложного предложения, именно что книга моя не есть история русской мысли, сказал, что, по моему собственному признанию, русская философия не есть область мысли. Такое цитирование части предложения с целью приписать автору мысль, прямо противоположную тому, что он сказал, есть прием, может быть, и остроумный, но, конечно, не соответствующий добрым литературным нравам [1, с. 267].

К моменту выхода книги «История русской философии» Н. О. Лосского уже были опубликованы труды по истории русской философии В. В. Зеньковского, Б. В. Яковенко, Г. Г. Шпета и ряда других авторов, с большинством из которых Лосский был хорошо знаком, но не с каждым из авторов этих трудов он был согласен в оценке русской философии, особенно когда некоторые из них (например Б. В. Яковенко) отказывали ей в оригинальности и самобытности, а его оппонент Л. Галич пытался доказать, что «никакой русской философии нет». Самого же Лосского критики обвиняли в субъективном изложении истории русской философии. Тот же Л. Галич в своей статье «Летопись русской мысли» после хвалебных отзывов книге и подчеркивания важности появления труда по истории русской философии на английском языке (так как иностранцы практически не знают русской философии) показывает неравномерность в изложении Лосским взглядов русских мыслителей, где статистика говорит сама за себя: «Субъективность заключается в дозировке: на сорок единиц о. Сергея Булгакова 2 единицы Герцена, 4 единицы Чаадаева, 2 единицы Михайловского, 1 единица Шестова».

Галич критикует такой подход Лосского к изложению истории русской философии, где есть «любимые и постылые» философы, что может привести в итоге к искаженному восприятию иностранцем русской философии. В итоге у Лосского «история получилась субъективная», что ее в определенной степени обесценило в качестве источника для составления цельной картины о истории развития русской философии, даже несмотря на то, что в книге Н. О. Лосского изложение движения мысли каждого философа «почти во всех случаях точное и правдивое». В этой связи Галичу ближе труд Н. А. Бердяева «Русская идея».

Вся эта дискуссия вокруг труда Н. О. Лосского и необходимость ответить на критику в свой адрес, с одной стороны, с другой — высказать свою оценку другим «интерпретаторам» истории русской философии, побуждают Лосского еще не раз обратиться в своих статьях к проблематике русской философии и ее специфике. В этой связи в 1952 г. в газете «Новое русское слово» выходят две статьи Н. О. Лосского, в которых он пытается доказать самостоятельный, оригинальный характер русской философии (статья «Правда ли, что русская философия не самостоятельна»), а также показать, что и русская религиозная философия может быть вполне научной — «религиозная философия есть подлинно научное миропонимание» (статья «Правда ли, что русская философия не научна?»). Особый акцент в этой связи Н. О. Лосский делает на критике логического эмпиризма за «узкое понимание научности» и развитии логики в России.

Публикуемые ниже статьи Н. О. Лосского и Л. Галича были переданы в виде вырезок из газеты «Новое Русское Слово» для публикации внучкой Н. О. Лосского М. Б. Лосской (Авриль), при подготовке материалов к публикации также были использованы и материалы той части архива Н. О. Лосского, которая хранится в Институте славянских исследований г. Парижа (Франция). За предоставление этих материалов и разрешение на их публикацию в России выражаю глубокую признательность их владельцам и хранителям. В статьи Н. О. Лосского уже после публикации рукой автора были внесены правки в текст, материал публикуется с этими правками. Опечатки в тексте исправлены без указаний, тексты статей при воспроизведении приближены к современным нормам орфографии и пунктуации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лосский Н. О. Воспоминания: Жизнь и философский путь. — М.: Викмо — Русский путь, 2008. — 400 с.
2. Плашиенкова З. Вклад Н. О. Лосского в развитие философской мысли в Словакии // Вече: Журнал русской философии и культуры. — 2015. — Вып. 27, ч. 2. — С. 114–125.
3. Сердюкова Е. В., Янцен В. В. Об истории русской философии в эпистолярном наследии Н. О. Лосского. Переписка Н. О. и Б. Н. Лосских с Д. И. Чижевским // Вопросы философии. — 2019. — № 6. — С. 108–130.
4. Сидни Хук о книге Н. О. Лосского // Архив Н. О. Лосского [неопубликованные материалы]. — Paris, Institut d'études slaves.
5. Lossky B., Lossky N. Bibliographie des œuvres de Nicolas Lossky. — Paris: Institut d'études slaves, 1978. — P. 129.

Леонид Галич

ЛЕТОПИСЬ РУССКОЙ МЫСЛИ*

Трудно сказать, хорошо это или плохо, что американскому, а заодно и канадскому, английскому, австралийскому и южно-африканскому читателю дается в руки превосходно написанная, отлично изданная, толстая (в 416 большого формата страниц) книга, поставившая себе целью изложить сущность и историю русской философии**.

Прежде всего самый термин «русская философия» может пониматься двояко. Он может просто и скромно означать: «вот что думали, говорили и писали у нас в России по вопросам философии». Но его можно толковать и с некоторым национальным самопревознесением, например, в таком тоне и смысле: «вот какую особую, нигде в других странах не виданную, небывалую систему философии создали мы, русские люди». Есть простой, скромный историзм «правдивых сказаний», как у Пушкинского Пимена и есть историзм мессианический и кичливый, как например, у Тютчева. Простота всегда лучше напыщенности и скромность всегда лучше заносчивости. Эти замечания очень рекомендуется держать в уме, когда выступаешь перед иностранцами. Именно для просвещения иностранцев добросовестный и беспристрастный Пимен самый подходящий летописец. Если же историк заранее задался целью показать, что его страну умом не понять и аршином не измерить, что у нее особенная статья и что ее можно постигать только верой, — едвали убедит и очарует иностранцев такой историк. Кому захочется быть заранее обреченным всего только на вторые и третьи роли?

* Статья Л. Галича была опубликована в газете «Новое русское слово» 21 октября 1951 года (страница 8).

При публикации исправлены ошибки и опечатки, убраны сокращения слов. Выражаю особую благодарность Т. Г. Щедриной и Р. Ю. Сабанчееву, благодаря которым удалось установить точную дату выхода газеты.

** Речь идет о первом издании книги Н. О. Лосского на английском языке, которое насчитывало 416 страниц: Lossky N. O. History of Russian Philosophy. — New York: International University Press, 1951. — 416 p.

Об авторе «History of Russian Philosophy» я уже говорил и с полным признанием говорил на столбцах «Нового Русского Слова». Профессор Лосский не только очень талантливый философ, но и один из лучших слышанных мною лекторов. Дар изложения у него, пожалуй, столь же большой, как дар угадывания и разгадывания. Я не согласен ни с его пониманием Канта, ни, особенно, с его пониманием Спинозы. Но я никогда не забуду, как застав меня когда-то очень уже теперь давно, в университетской лектории, где я готовился к очередной моей лекции по философии математики, он пригласил меня на свою лекцию о Спинозе*. Читал он в тот день как раз после моей лекции. Покончив с моими мнимыми квадригами на бесконечно удаленной плоскости, инвариантность которых создает проективную метрику и позволяет обосновать три так называемых элементарных геометрии, я прошел не то в 9-ую, не то в 13-ую аудиторию и получил острейшее удовольствие, которого не забыл и до сих пор, спустя почти 40 лет. Так увлекательно читал Лосский о Спинозе. И была порождена эта увлекательность прежде всего добросовестнейшим изучением предмета и простотой, ясностью, точностью и опять-таки редкой добросовестностью его изображения. Когда прошли два часа, я горько пожалел только о том, что лекция не продолжалась три или четыре часа. А повторяю: с заключениями Лосского я был совершенно не согласен и в моей нежной любви к Спинозе было много элементов жалости и горестного сострадания, которые легко могли показаться Лосскому ни на чем достоверном не основанными aberrациями. Не берусь сказать, кто был прав. Я своих мнений и чувств не переменял. Думаю, что и Николай Онуфриевич тоже. Но должен еще один раз повторить, что был он одним из лучших лекторов, каких я когда-либо слышал.

И вот такой необыкновенно одаренный и беспримерно добросовестный человек берется за написание «Истории русской философии» да еще и на английском языке. Это, как хотите, событие. До сих пор плохо известны культурному Западу наши философские усилия. Во Франции кое-что слышали о Владимире Соловьеве, а в последнее время о Бердяеве и Шестове. В Германии о Владимире Соловьеве знают несколько больше, почти все главные сочинения того же Лосского переведены и читаются специалистами, переведены и тоже читаются (но уже публикой) и почти все книги Шестова. В Англии сочинения Лосского переводились с 1908 года, о Владимире Соловьеве слышали и Бердяев именно среди британских читателей имел наиболее шумный и блестящий успех — прибавлю тут же: вполне заслуженный успех. Но полной картины того, как в России размышляли и философствовали и о чем у нас размышляли и философствовали, нигде на Западе не было и нет. Вот этот-то обидный пробел и должна была заполнить «History of Russian philosophy» профессора Н. О. Лосского.

Книга написана с редкой добросовестностью, как все, что когда-либо писал Лосский. Смотрю на библиографические указания и думаю: Боже мой, сколько

* С 1909 по 1918 гг. Л. Е. Галич (Габрилович) преподавал в должности приват-доцента на кафедре философии историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета (на этой же кафедре работал с 1900 г. приват-доцентом Н. О. Лосский, с 1916 г. — профессором).

пришлось прочесть Николаю Онуфриевичу, чтобы написать эту книгу! Читаю и поражаюсь: содержание большинства цитируемых им книг он излагает, хотя и разумеется, сокращенно, но точно и почти не упрощая. Вот как он излагал учение Спинозы в той, памятной мне лекции, которую с таким наслаждением прослушал я почти сорок лет тому назад.

Спрашивается, получит ли иностранец, внимательно прочитавший книгу Лосского, точную картину того, что делалось в философской области у нас в России, т. е. как и о чем у нас философствовали? Скажу прямо: нет, не получит. Почему? Потому что 416 большого формата страницы распределены с некоторой предвзятостью. Например, русской субъективной школе Михайловского и Лаврова — течению чрезвычайно оригинальному и уже конечно чрезвычайно русскому, уделено всего несколько страничек, а такому своеобразному мыслителю как Лев Шестов — и того меньше, — одна единственная страничка. А вот Л. П. Карсавину, которого я очень люблю и во многих смыслах высоко ставлю, но который по существу интересный историк, заглянувший в философию в гости, на огонек, — тому отведено в 16 раз больше места чем Шестову, больше печатного листа (стр. 288–314). 7 страниц уделены интуитивисту Лосеву, который при всех его достоинствах едва ли может сравниться с Михайловским (тому отведены ровно 2 странички!), с Чаадаевым (4¼ страницы) или с Герценом (2⅔ странички!).

Как ни люблю я Льва Платоновича Карсавина, я все-таки никак не могу допустить, чтобы в истории русской мысли он занимал в 8 раз больше места, чем Герцен, в 4 раза больше места, чем Михайловский. Лосева я не знаю ни лично, ни по его произведениям, но сомневаюсь, чтобы в истории русской мысли он занимал в 3½ раза больше места, чем Михайловский, и 7 раз больше места чем Лев Шестов.

Статистика эта ясно показывает, что, прочитав добросовестнейшую и мастерски написанную книгу профессора Н. О. Лосского, иностранец едва ли составит себе точное и верное впечатление об удельном весе русских философских течений и русских мыслителей. Конечно, заслуживает внимания и интереса о. Сергей Булгаков, которому Н. О. Лосский посвятил сорок страниц (192–232). Но неужели же удельный его вес в 16 раз больше чем удельный вес Герцена и почти в сорок раз больше чем удельный вес Бакунина (стр. 59–60, по полстраницы на каждой).

Книга Н. А. Бердяева «Русская Идея» гораздо, конечно, фельетоннее чем «История русской философии» Н. О. Лосского. Но прочитав Бердяевский фельетон (к тому же и почти сплошь с играющей увлекательностью написанный), получаешь хотя и не беспристрастную, но воспроизводящую хотя бы приблизительно верные пропорции картину русской мысли. Получилось это потому, что любовь и нежность Бердяева ко всем богатствам и обаяниям культуры сильнее, чем его кастовая привязанность к облюбованной им школе и доктрине. Поэтому он всегда ближе к действительности, чем люди с менее острыми аппетитами. Он Чаадаева за Лосева не отдаст и Герцена не сразу и не всецело променяет на о. Сергия Булгакова. «Русскую Идею» Бердяева, снабдив ее толковыми примечаниями и предпослав ей историческое предисловие, следовало бы переиздать на трех главных европейских языках. Хотя книга эта, по существу,

и тенденциозна, но, повторяю, пропорции в ней не очень нарушены. И тогда, может быть, легче приблизиться к правде в фельетоне, чем в компендиуме.

В книге Лосского есть превосходные главы, хочется даже сказать превосходнейшие главы. С блестящим мастерством изложены мысли Бердяева. Очень хорош очерк об о. Павле Флоренском — «русском Леонардо да Винчи». Добавим из осторожности «почти». Очень выпукло, сгущено и убедительно изложил автор и собственную свою доктрину — интуитивизм. Замечу кстати, что самого себя пересказывать совсем не такая легкая задача. Вообще, если рассматривать каждое звено книги в отдельности, ни одному нельзя отказать в точности и правдивости. Беда только в том, что одним мыслителям уделено много внимания и любви, а другим мало и даже, как любил говорить Достоевский, «слишком уже мало». Явно есть любимые и постылые.

Чаадаев, Герцен, Михайловский постылые, о. Павел Флоренский, о. Георгий Флоровский, о. Сергей Булгаков — любимые. Любимчик и Л. П. Карсавин, полу-любимец С. Л. Франк. История получилась субъективная. Иностранцам приходится рассматривать русскую философию с точки зрения предвзятых симпатий. Что пользы, что изложение каждого движения мысли почти во всех случаях точное и правдивое. Субъективность заключается в дозировке: на сорок единиц о. Сергия Булгакова 2 единицы Герцена, 4 единицы Чаадаева, 2 единицы Михайловского, 1 единица Шестова.

Иностранцы будут судить по дозировке. И получится у них о структуре и характере русской мысли представление далеко не объективное.

Н. О. Лосский человек настолько высокой и, я бы даже сказал, редкой научной добросовестности, что я свободно высказываю ему эти замечания. У меня даже есть некоторая надежда, что он во втором издании (если будет таковое, что, думаю, вполне вероятно) исправит и уравновесит дозировку. Ведь вот же в Бердяевской «Русской Идее» она совсем другая. И даже в достаточно субъективной и достаточно предвзятой истории русской философии о. Зеньковского Льву Шестову уделена целая глава, а не одна рассеянная страничка. Та школа мысли, к которой лежит сердце Н. О. Лосского — явление само по себе большое и значительное, хотя и, думается мне, по существу вовсе не русское. То, что например было во Владимире Соловьеве своего, оригинального, самобытного, никак не относилось к систематической философии, и выражено оно не в трактатах, а в таких вольных и несистематических этюдах, как «Смысл Любви», «Три Разговора», «Богочеловеческий процесс»^{*} и т. д.

Систематические и как бы профессионально философские элементы в произведениях Соловьева явно пришли от Шеллинга и Баадера. Оттуда же взял (Н. О. Лосский говорит «позаимствовал» — «borgweb»^{**}) свои неполные идеи и Н. А. Бердяев, да конечно и все «русские философы» в узком смысле слова. Любопытно, что сам Н. О. Лосский в этом смысле гораздо самобытнее и оригинальнее. Его интуитивизм не заимствован ни из какого немецкого источника. В нем есть сродство с некоторыми средневековыми учениями, но, конечно, Н. О. Лосский пришел к своему онтологическому интуитивизму

* Речь скорее всего идет о работе В. С. Соловьева «Чтения о Богочеловечестве».

** В тексте скорее всего опечатка и имеется в виду слово «borgow».

совершенно независимо, — разве издали повлиял на него Мальбранш, по которому все, что мы видим и испытываем, мы видим и испытываем не в своей субъективности, а в Боге.

Еще одно последнее замечание. В двух местах своей «Истории русской философии» Н. О. Лосский прямо полемизирует с излагаемыми им философами. Историк, кажется мне, не имеет права это делать. Субъективизм книги Н. О. Лосского от этого как бы еще более заостряется. В одном случае Лосский критикует некоторые выводы и догадки своего единомышленника Франка. Это как бы дело семейное — «спор славян между собой». Но Н. О. Лосский совсем уже резко и даже беспощадно критикует в своей «Истории» самого, вероятно, оригинального и плодотворного русского мыслителя Н. Ф. Федорова, того самого, которого Достоевский, Толстой и Владимир Соловьев в один голос признали своим учителем и вождем. Н. О. Лосский критикует Федорова с точки зрения ходячих богословских рассуждений. Критику эту больно и обидно читать и было бы лучше, если бы она не дошла до иностранцев.

Н. О. Лосский

ПРАВДА ЛИ, ЧТО РУССКАЯ ФИЛОСОФИЯ НЕ НАУЧНА?*

Не только иностранцы, но и многие русские говорят, что русская философия не научна. Чтобы отдать себе отчет в том, правильно ли это утверждение, определим, что такое подлинная научность. Мир есть сложная система, богатая разнообразными видами бытия. Исследование различных областей бытия должно опираться на различные группы принципов и методов. Коренная ошибка некоторых мыслителей состоит в том, что они, избрав одну ограниченную группу принципов и методов, провозглашают ее, как единственно научную, и хотят распространить ее на все науки. Приведу один яркий образец такого узкого понимания научности. Сторонник логического эмпиризма О. Нейрат** провозгласил принцип «физикализма», который был подхвачен другими представителями этого направления и например профессор Чикагского университета Карнап*** написал ряд статей в пользу этого принципа. Единство науки, согласно Карнапу, требует, чтобы все предложения всех наук, естествознания, психологии, наук о духе, были познаваемы одинаковым методом и выразимы одним языком. Такое значение может иметь только язык физики, потому что это единственный intersубъективный язык. Такой идеал научности есть явным образом, псевдо-научность.

Надобно, однако, заметить, что во всех теориях научности, даже и ложных, есть правильная мысль, именно утверждение, что научное знание должно основываться на опыте. Но опыт о внешнем мире многие мыслители понимают, как нечто имеющее весьма бедное содержание: опыт, по их мнению, состоит только из данных чувственного восприятия, зрения, слуха, осязания и т. п. Такое учение об опыте возникает чаще всего под влиянием теории восприятия, введенной

* Статья была опубликована в газете «Новое русское слово» 1 июня 1952 г.

** Нейрат Отто (1882–1945) — австрийский философ языка, социолог, экономист, один из организаторов и лидеров Венского кружка.

*** В словацкий период своего творчества Н. О. Лосский написал статью «Критика теории знания Р. Карнапа с точки зрения идеала знания»: *Losskij N. O. Kritika noetiky R. Carnapa s hladiska ideálu poznania // Filozofický sborník. — 1944. — Roč. V, č. 3. — S. 98–136.*

в новую философию Галилеем, Гоббсом и Декартом. Сущность этой теории такова. Когда я смотрю, например, на березу и слышу шелест ее ветвей, лучи света, отражаемые ее корою и листьями, волны воздуха, вызванные движением ее ветвей, влияют на зрительный нерв и в моих глазах, на слуховой нерв в моих ушах; отсюда возникают физиологические процессы в моем мозгу и под влиянием этой причины возникают в моей душевной жизни ощущения белого цвета коры, зеленого цвета листьев, звука и т. п. Эти ощущения суть мои субъективные состояния; из них в моем уме слагается образ березы, как мое душевное состояние. Итак, я наблюдаю не самую материальную березу, существующую во внешнем мире, а только психический образ ее, возникающий в моем уме под влиянием механических воздействий ее на мое тело. Такое учение можно назвать словами каузальная теория восприятия (латинское слово кауза — причина).

Допустим на основании этой теории, что весь опыт о внешнем мире состоит только из моих субъективных психических состояний. Придя к этой мысли, философ с тревогой задает вопрос, каким же способом мне узнать действительные свойства внешнего мира, и принужден признать, что для достижения этой цели остается единственный путь — пытаться узнать свойства внешнего мира путем умозаключений из данных опыта*. Однако можно доказать с абсолютной достоверностью, что знание о внешнем мире не может быть достигнуто путем умозаключений из субъективных психических данных. В самом деле, умозаключение состоит из посылок, т. е. из суждений, признанных уже мною за истину, и вывода, содержащего в себе новую, открытую нами истину. Например, в умозаключении «теплота удлиняет маятник; удлинение маятника замедляет ход его; следовательно, теплота замедляет ход маятника» — два первые суждения суть посылки, из которых вытекает следствие «теплота замедляет ход маятника». В этом выводе речь идет о тех самых предметах (теплота, замедление хода маятника), о которых говорится в посылках; открытие, сделанное в выводе, состоит лишь в усмотрении отношения между этими предметами, которое не было известно раньше. Правда есть умозаключения, которые в выводе имеют новое по своему содержанию понятие (например, «если Петр родился двумя годами раньше, чем Иван, а Иван годом раньше, чем Федор, то Петр родился двумя годами раньше, чем Федор»); однако ясно, что в них это новое содержание (2 года) получено из содержания системы 2-х посылок. Отсюда следует, что если весь мой опыт состоит из моих субъективных психических состояний, то умозаключения на основании этих посылок не могут дать сведений о внешнем мире. Эту истину давно открыл философ Давид Юм (1711–1776). Исходя из каузальной теории восприятия, он пришел к мысли: я знаю только свои впечатления и воспоминания о них; ни одного свойства предметов внешнего мира я не знаю и даже не могу доказать, существует ли внешний мир или, может быть, он вовсе не существует. Он пришел к скептицизму: всякое общее суждение естествознания, например, «вода при десяти градусах ниже нуля замерзает», он считал только привычной ассоциацией представлений, но вовсе не доказанным законом природы.

* Слова «действительные свойства внешнего мира, и принужден признать» внесены рукой Н. О. Лосского в уже опубликованный в газете текст.

После Юма новую теорию знания выработал Кант. Исходя из каузальной теории восприятия, он, как и Юм, утверждал, что подлинное бытие, «вещи в себе», т. е. вещи, как они существуют независимо от нашего сознания, совершенно непознаваемы, поэтому метафизика не может существовать, как наука. Но мы знаем вещи, как «явления», т. е. знаем их такими, какими они нам представляются, согласно законам нашей познавательной способности. Поэтому в отличие от Юма Кант утверждал, что естествознание есть наука, устанавливающая незывлемые законы природы, однако эти законы суть законы самой нашей познавательной способности: им подчинена природа, как система наших представлений, построенная нашим умом из наших ощущений и, следовательно, существующая только в нашем сознании. Учение Канта можно назвать идеализмом Канта, разумея в данном случае под словом идеализм учение, согласно которому познаваемые наукой предметы, солнце, океаны, горы и т. п., суть наши идеи не в платоновском смысле, а в том смысле, что они суть лишь наши представления.

Влияние теории знания Канта и до сих пор очень велико, однако, его идеализм, принимающий ценность знания, многих философов не удовлетворяет. В течение последних ста лет в Европе появилось много мыслителей, сторонников критического реализма. Продолжая держаться каузальной теории восприятия, они тем не менее не согласны с Юмом и Кантом и утверждают, что, исходя из субъективных психических образов вещей можно все же путем умозаключений узнавать некоторые свойства предметов внешнего мира. Однако выше было показано, что Юм абсолютно прав: если опыт состоит только из моих душевных состояний, то ничего достоверного о внешнем мире знать нельзя. Следовательно, теория знания европейских критических реалистов есть явление регрессивное.

Более строго мыслители нашего времени, логические эмпиристы не вступают на этот путь; они знают, что каузальная теория восприятия уже в самом своем исходном пункте заключает в себе противоречие: если мы имеем в сознании только свои субъективные ощущения, то мы не можем знать, что вне их находятся какие-то причины, производящие их. Поэтому они совсем отказываются от решения вопроса, что действительно существует и что такое данные чувственного опыта. Все знание они хотят строить на основе чувственного опыта, но язык, которым они пользуются, высказывая научные суждения, они называют «нейтральным», т. е. стоящим вне споров различных философских школ о видах бытия. Так, например, высказывая суждение «вода при десяти градусах ниже нуля замерзает», идеалист кантианец скажет, что это суждение о «явлениях», существующих только в нашем сознании, а реалист скажет, что это суждение о действительности, как она существует вне нашего сознания и независимо от чьего бы то ни было сознания. Логический эмпирист презрительно смотрит на такой спор, считая его одним из случаев бессмысленной метафизики: он сам, высказывая такое суждение, остается «нейтральным», т. е. только констатирует данные опыта, не считая возможным даже пытаться думать о том, есть ли это только явление или подлинная действительность. Согласно их теории знания, суждение «дважды два равно пяти» имеет смысл; поэтому можно поставить вопрос, есть ли оно истина или

ложь, и доказать его ошибочность. Если же два лица спорят о законе замерзания воды при холоде и одно лицо, соглашаясь с Кантом, говорит, что «это есть знание о действительном бытии, существующем независимо от человеческого сознания», то этот спор их есть бессмысленный набор слов, как если бы кто сказал «Цезарь если чтобы»; о таком бессмысленном наборе слов нельзя даже ставить вопрос, выражает ли он истину или ложь. Конечно, такие суждения, как «Бог существует» или «Бог — Творец мира», логические эмпиристы с наслаждением относят в разряд бессмыслиц, о которых даже нельзя ставить вопрос, суть ли они истина или ложь.

Внимательное чтение и анализ работ логических эмпиристов открывает следы того, что они исходят из каузальной теории восприятия, но не высказывают ее; однако свою «нейтральную» теорию знания они строят так, что она есть система скептических выводов, вытекающих из каузальной теории восприятия, крайне обедняющих содержание и ценность опыта.

Кроме внешнего опыта, есть еще внутренний опыт, наблюдение человеком своих чувств, желаний, своего я. Многие современные сторонники научности считают этот опыт негодным для целей научного знания, между прочим потому, что чувства и желания нельзя измерять и регистрировать так, как это делает, например, физика, изучая теплоту. Занимаясь психологией, они сосредотачивают внимание не на психических процессах, а на телесном выражении их, таким образом получается научная «объективная психология».

Кроме знания о бытии, нам нужно еще знание о ценностях бытия и о степенях ценностей, например, нужно знать, что более ценно — вкусовые ощущения или духовная деятельность. Сторонники эмпиризма, признающего лишь скудное содержание чувственного опыта, говорят, что опыт не дает знания об объективных ценностях и степенях их. Поэтому предпочтение одного вида бытия другому есть только выражение нашего субъективного вкуса. Так, например, говорит Бертран Рассел.

Научность, описанная мною, создает учение о мире, обезбоженном, обездушенном, безжизненном и лишенном смысла. Мысли наши о том, что составляет сущность достойной жизни и придает ей цену, оказываются не научными. Стоит только сполна отдать себе отчет в этом, и в голову нашу закрадывается мысль, не есть ли такое учение о научности результат какой-то ошибки в самом исходном пункте теории знания. К мысли, что внешний опыт состоит только из данных чувственного восприятия, привела каузальная теория восприятия. Может быть, эта теория ошибочна и надо выработать другое учение о восприятии? На этот оригинальный путь вступил французский философ Бергсон.

Согласно учению Бергсона, когда физические влияния внешних предметов на наши органы чувств вызывают физиологические процессы в мозгу, эти телесные процессы не суть причина, порождающая содержание восприятия, они суть только стимул, подстрекающий наше духовное я обратить внимание на сам тот предмет внешнего мира, который задел наше тело и может оказаться вредным или полезным для нас. Итак, мы непосредственно наблюдаем сам действительный предмет внешнего мира, а не субъективный образ его. Такое непосредственное созерцание самой подлинной действительности есть интуиция. Из учения об интуиции следует, что метафизика, т. е. наука о свойствах

вещей, как они существуют вне нас и независимо от нас, возможна. Бергсон не разработал теории знания. Показав возможность метафизики, он занялся этой наукой.

Разработкой учения об интуиции занялись русские философы. Надо заметить, что частичный интуитивизм, т. е. учение о том, что по крайней мере, некоторые процессы знания суть непосредственное созерцание действительности, существует у Платона, Аристотеля, Плотина, у некоторых средневековых и новых мыслителей. У русских философов, по-видимому, есть особенная склонность к этому учению. В России наиболее известная форма частичного интуитивизма имеется в философии Вл. Соловьева, который, согласно традиции, считал весь чувственный опыт и мышление состоящим из психических процессов, но прибавлял к ним третий источник знания — непосредственное восприятие независимой от нас реальности предмета. Более решительно порвал с традиционными учениями о воспитании и мышлении я, принявшись пятьдесят лет тому назад разрабатывать не частичный, а всесторонний интуитивизм, т. е. учение о том, что все познавательные деятельности суть разные виды непосредственного созерцания различных сторон бытия. К этой мысли я пришел следующим образом. Увлекаясь естествознанием, я был уверен в том, что физика, астрономия и т. п. науки дают знание о действительном внешнем мире. Но в то же время, будучи склонным к эмпиризму, я признавал, что познавать можно только предметы, имманентные сознанию, т. е. находящиеся в сознании. При этом под влиянием Юма и Канта я считал все имманентное своими субъективными душевными состояниями. Отсюда получался вывод, что никакие свойства действительного внешнего мира не могут быть познаны, и я постоянно возвращался к мысли, что даже существование внешнего мира не может быть строго логически доказано. В связи с этим произошел со мной следующий курьез. Осенью 1898 г. профессор Лесгафт пригласил меня на свои Курсы читать лекции по истории философии. Я ездил на Курсы с Фонтанки на Торговую улицу на велосипеде. Однажды, едучи на велосипеде, я глубоко погрузился в размышления о скандальном положении философии, неспособной доказать существование внешнего мира, и наскочил на телегу ломового извозчика. Велосипед серьезно пострадал, я отделался легкими ушибами, извозчик, грубый, как большинство ломовиков, наслаждался случаем разразиться смачными ругательствами, а существование внешнего мира осталось недоказанным.

Кажется, тою же осенью мы с С. А. Алексеевым (Аскольдовым) ехали на извозчике по Гороховой улице. Был туманный день, когда все предметы сливаются друг с другом в петербургской осенней мгле. Я был погружен в свои обычные размышления: «я знаю только то, что имманентно моему сознанию, но моему сознанию имманентны только мои душевные состояния; следовательно, я знаю только свою душевную жизнь». Я посмотрел перед собою на мгlistую улицу и вдруг у меня блеснула мысль: «все имманентно всему». Я сразу почувствовал, что загадка решена, что разработка этой идеи даст ответ на все вопросы, волнующие меня, повернулся к своему другу и произнес эти три слова вслух; помню я, с каким выражением недоумения посмотрел он на меня. С тех пор идея всепроникающего мирового единства стала руководящей моею мыслью. Разработка ее привела меня в теории знания к интуитивизму, в метафизи-

ке — к органическому мировоззрению. Теория восприятия на основе этого мировоззрения может быть названа координационной.

Всесторонний интуитивизм глубоко отличается от учений о восприятии и мышлении, укоренившихся в новой философии в течение трех столетий. Считая, что чрезмерная самостоятельность есть скорее легкомыслие, чем открытие истины, я стал систематически искать сторонников учений, подобных моему, в послекантовской философии. Их нашлось много и таким образом в моей книге «Обоснование интуитивизма» появилась длинная глава «Учения о непосредственном восприятии транссубъективного мира в философии 19 века». В этой главе имя Бергсона не упомянуто, потому что я в то время не знал учений этого философа. В первом издании моей книги не было учения о том, какую роль играет раздражение органов чувств при восприятии предметов внешнего мира. Мой друг Алексеев (Аскольдов) сказал мне, что интуитивист Бергсон выработал учение о второстепенном значении глаза, уха, как только стимулов, побуждающих направить наше внимание на предметы внешнего мира. В дальнейших работах я стал пользоваться этой теорией. Но, конечно теория знания Бергсона меня не удовлетворила, потому что это — частичный интуитивизм. Научное знание о систематическом строении мира, наиболее ценное мною, Бергсон, подобно Канту, считает субъективной конструкцией нашего ума, а не учением о подлинных свойствах мира.

Кроме разработки всех вопросов теории знания и логики в духе интуитивизма необходимо было выработать еще метафизическое учение о строении мира, благодаря которому возможно, чтобы познающий субъект наблюдал внешний мир непосредственно. За эту работу взялись одновременно С. Л. Франк в книге «Предмет знания» и я в книге «Мир как органическое целое». Вслед за нами разработкой всестороннего интуитивизма занялись кн. Е. Трубецкой в книге «Метафизические предположения познания» (1917 г.) и два моих ученика, Д. В. Болдырев, погибший вместе с Колчаком в Иркутске, автор книги «Знание и бытие» и С. А. Левицкий, автор книги «Основы органического мировоззрения».

Учение о непосредственном восприятии внешнего мира существует в наше время не только у русских интуитивистов. В 1912 г. оно появилось в Соединенных Штатах Америки под названием неореализм и в Англии, см., например, книгу С. Александера «Пространство, время и Божество», 1920*. В настоящее время оно все более распространяется в католической неосхоластике под названием непосредственный реализм. Талантливый немецкий философ Макс Шелер, знавший русский интуитивизм, потому что моя книга была напечатана по-немецки в 1908 г**, сделал важный вклад в дело развития интуитивизма. Он выработал интуитивистическое учение о познании ценностей. Для всего нашего поведения очень важно иметь знание не только о бытии, но и о ценности его,

* Alexander S. Space, Time and Deity: The Gifford Lectures at Glasgow, 1916–1918. — London: Macmillan & Co, 1920.

** Книга «Обоснование интуитивизма» издавалась три раза на русском языке (СПб., 1906, 1908; Берлин: Обелиск, 1924), а также в немецком (1908) и английском (1919) переводах. На немецком языке эта работа издана под названием «Die Grundlegung des Intuitivismus: Eine propädeutische Erkenntnistheorie» (Halle, 1908).

а также о степенях ценностей. Согласно Шелеру, у нас есть специальный орган для постижения ценностей, именно чувства. Чувства суть наши субъективные состояния, в одеянии которых в наше сознание вступают объективные ценности предметов в подлиннике.

Поставим теперь вопрос, что такое подлинная научность. Научное знание основывается на опыте. Познающий субъект, благодаря своей интимной связи со всем миром, способен непосредственно наблюдать любые виды и стороны бытия, существующие в мире. Следовательно, есть много видов опыта. В чувственном опыте даны материальные процессы, как нечто глубоко отличное от душевных процессов, наблюдаемых путем нечувственного опыта. Далее, субъект способен наблюдать не только реальное бытие, но и бытие идеальное в платоновском смысле слова, напр., математические идеи чисел и их отношений. В религиозном опыте познается Сверхмировое начало, Бог. Ценности бытия непосредственно даны в опыте, который можно назвать аксиологическим. Особенно утонченные аксиологические данные имеются в этическом, эстетическом и религиозном опыте. Путем этих глубоко различных видов опыта человек познает все богатство и разнообразие форм бытия.

Мир построен иерархически: над низшими простейшими царствами природы надстраиваются более высокие, более сложные и более ценные ступени бытия. Таковы, например, ступени — неорганическая природа, организмы животных и растений, социальное бытие. Высшие ступени используют низшие, опираясь на них, но они не представляют собою только более сложную комбинацию процессов низшей ступени, как это думают сторонники механистического материализма; в них всегда есть творение нового бытия. Подлинная научность состоит в том, чтобы не стараться насильственно свести высшую ступень на уровень низшей, т. е. понять ее только из законов низшей ступени; научность состоит именно в том, чтобы опираясь на самосвидетельство предмета, т. е. на опыт, усмотреть оригинальные стороны высшей ступени и выразить их в новых понятиях.

Все философское знание и знание частных наук основано на опыте. Но высшая форма опыта есть опыт религиозный, свидетельствующий о бытии Бога. Бытие Бога и зависимость мира от Него есть фактор, обуславливающий строение мира, целесообразность его и иерархию ценностей в нем. Отсюда следует, что самые основные вопросы, касающиеся строения мира и развития его, могут быть разрешены не иначе, как в направлении сверху вниз, т. е. от Бога к миру. Значит, религиозная философия есть подлинно научное миропонимание.

Мнимая научность, господствующая в наше время, характеризуется чертами, прямо противоположными перечисленным. Она стремится объяснить мир, идя только снизу вверх. Сторонник мнимой научности полагает в основу своих теорий простейшие факты, относящиеся к низшей ступени бытия и потому широко распространенные в природе. К тому же и эти факты он, обыкновенно, подвергает большему упрощению, чем они в действительности существуют в природе. Стараясь понять и объяснить высшие, более значительные стороны бытия из низших, представители мнимой научности говорят, что они стоят на прочной почве опыта. В действительности, однако, они на каждом шагу обнаруживают недоверие к опыту, именно к самосвиде-

тельству предметов, данных в утонченных формах опыта: они не доверяют опыту душевной и духовной жизни, интеллектуальной интуиции (умозрению), аксиологической интуиции и, в особенности, религиозному опыту. Поэтому зачастую вместо анализа, открывающего первичные стороны мира, неразложимые на элементы, сторонник мнимой научности старается объяснить их путем синтеза их из каких-либо других элементов. Но всюду, где знание получается не как следствие анализа предмета, данного в опыте, а как следствие синтеза, т. е. конструкции, произведенной ученым, мы имеем дело не с истиною, а с вымыслом ученого. Исследуя, например, проявления альтруизма, к которому способны не только люди, но и животные, некоторые позитивисты стараются вывести их из инстинкта самосохранения: нужны фантастические синтезы, чтобы из инстинкта самосохранения получить нечто прямо противоположное ему, именно пожертвование своей жизнью в борьбе за чужую жизнь или за ценности истины, свободы и т. п.

Я, конечно, не утверждаю, что сторонники подлинной научности никогда не ошибаются. Нет, в их трудах встречается много ошибок, как во всех человеческих делах. Точно также я не утверждаю, что сторонники псевдонаучности не открывают никаких истин. Труды их часто имеют высокую научную ценность, но их искаженный идеал научности бывает иногда источником заблуждений.

Исходя из учения о подлинной научности, изложенного выше, следует признать, что русская философия, как и философия других народов, научна, но, конечно, в ней, как и в философии других народов, встречается много ошибок вследствие трудности философских проблем.

Н. О. Лосский

ПРАВДА ЛИ, ЧТО РУССКАЯ ФИЛОСОФИЯ НЕ САМОСТОЯТЕЛЬНА*

Б. В. Яковенко, напечатавший в Праге на чешском языке обширный труд «Историю русской философии»** (552 страницы), пишет в своей книге, что русская философия не оригинальна, и доказывает эту мысль тем, что русские философы много ссылаются на западно-европейских мыслителей. Прочитав его книгу, я сказал ему: «Только русские способны так низко ценить культуру своего народа». Он ответил: «Да, я настоящий русский: ведь я родился в Полтавской губернии». Действительно, Яковенко был настоящий русский: он родился на той территории, которую в Византийской литературе XIII в. называли почетным именем «Малая Россия», т. е. основная Россия, «откуда есть пошла Русская земля»***, подобно тому, как древние греки называли свою родную Грецию «Малая Эллада», а колониальную Грецию на юге Италии «Великую Элладю».

Я напомнил Яковенко о французском философе Буйэ, который в своей Истории картезианской философии подробно изложил философию Декарта, Спинозы, Мальбранша, а Лейбницу посвятил мало места, вообразив, будто философия Лейбница на три четверти зависит от Декарта, и указывая на то, что Лейбниц ссылается на других философов, а потому не оригинален. Вероятно, эта близорукость Буйэ вызвала насмешки: во втором издании своей книги он уделил уже Лейбницу много места. Надо заметить, впрочем, что Яковенко в своей книге считает также европейскую философию второй половины XIX в. лишенной великих мыслителей, равных классикам философии, и признает, что русская философия вполне стоит на уровне современной ей западноевропейской философии.

* Статья была опубликована в газете «Новое Русское Слово» 10 августа 1952 г.

** Труд Б. Яковенко «История русской философии» вышел в Праге на чешском языке в 1938 г.

*** В газете эта фраза была напечатана следующим образом: «откуда есть и пошла Русская земля», рукой Н. О. Лосского поверх текста зачеркнута буква «и».

Ссылки философа на других мыслителей часто свидетельствуют не о его несамостоятельности, а наоборот, о его высокой оригинальности. Это бывает тогда, когда ему удается найти глубокий принцип, использованный им для синтеза идей других мыслителей, идей, которые казались раньше несовместимыми. Так, например, Кант осуществил синтез предшествовавшего ему эмпиризма и рационализма, глубоко преобразовав оба эти направления.

Иногда не система, а одна какая-либо мысль философа так плодотворна, что служит основанием дальнейших работ многих мыслителей. Так, например, Киреевский формулировал чрезвычайно ценное методологическое правило «цельности» познания, достигаемой тогда, когда человек для постижения высших основных истин сочетает в гармоническое целое все свои духовные силы, «мышление, чувство, эстетическое созерцание, любовь своего сердца, совесть и бескорыстную волю к истине». Вл. Соловьев и все его преемники опираются на это правило. Замечательно, что ему безотчетно следует даже позитивист Михайловский, который находит поразительную внутреннюю красоту в русском слове «правда», означающем и правду — истину, и правду — справедливость, так что они «как бы сливаются в одно великое целое». Задачей своей жизни он считает выработку такого учения о правде. В моей «Истории русской философии» показано глубокое влияние Киреевского на все оригинальное русское мышление.

Хомяков выработал своеобразное понятие «соборности», которое разнообразно используется русскими философами и повлияло уже на мышление других народов. Размышляя о том, как сочетать в Церкви трудно соединимые друг с другом свободу и единство, он пришел к мысли, что принципом церковной организации должна быть соборность, разумея под этим словом совместную любовь многих лиц к Богу и абсолютным ценностям. Этот принцип можно использовать также и для решения многих проблем общественной жизни. Слово «соборность» вошло уже в немецкую и англо-американскую литературу. Содружество верующих православной и англиканской церкви издает даже в Лондоне журнал под названием «Соборность».

Соловьев основал русскую религиозную софиологию. Его учение о Софии, как личности, стоящей во главе мира, есть оригинальная форма учения о Мировой Душе. Понятие Мировой Души часто встречается в истории философии, но Соловьевым оно развито в новой плодотворной форме, как это видно из дальнейшего развития этого учения и от Павла Флоренского, от С. Булгакова, Зандера и особенно от В. Зеньковского. В этике Соловьева ценно его учение о том, что в самой природе человека есть три нравственные свойства — стыд в отношении своей животности, жалость в отношении живых существ и благоговение к Высшему началу, составляющие «индивидуально душевный корень религии». Заповедь Христа «люби ближнего, как себя самого» Соловьев применил к взаимным отношениям народов: «люби все другие народы, как свой собственный». Значительность философии Соловьева сказывается в том, как растет интерес к ней в Германии и других странах.

Оригинальность философии от Павла Флоренского выразилась главным образом в том, как он использовал в своем труде «Столп и утверждение истины»

понятие единосущия, выработанное в христианском богословии: он утверждает, что личности, сотворенные Богом, единосущны друг с другом, откуда получается множество чрезвычайно важных следствий для учения о духовной и особенно нравственной жизни. Все философские системы он делит на два класса, — признающие только подобие существ друг другу, следовательно, обособленность бытия их друг от друга, и признающие единосущие их, т. е. интимную сращенность бытия их друг с другом. На этой основе он выработал особенно ценную теорию любви, включения любящим всей индивидуальности любимого в состав своего бытия. Это не общепринятая психологическая теория, понимающая любовь, как только к субъективно-психическим переживаниям, а онтологическая (бытийственная) теория, понимающая любовь, как расширение бытия личности: «предел любви, да двое едино будут».

В творчестве от. Сергия Булгакова особенно ярко обнаруживается характерная черта русской философии — конкретность ее*. Говоря об идеях в смысле философии Платона, германские философы имеют в виду отвлеченные идеи, выразимые в общих понятиях, и разумеют под термином Логос совокупность принципов науки, а русские философы выдвигают на первый план конкретные идеальные начала, т. е. живое личное бытие, такое, как Бог-Логос, св. София, ангелы и т. п. личные существа, более высокие, чем человек. Ценно и оригинально также обстоятельно разработанное учение от. Сергия о спасении всех, устраняющее невыносимую для нравственного сознания мысль, что множество людей обречены в аду на вечно длящиеся во времени ужасные муки.

Философская публицистика Бердяева оценена уже во всем мире, как это видно из множества книг и статей о нем. Весьма ценна также его книга «Назначение человека», его «опыт парадоксальной этики», в которой показано, как мало добра в нашем земном добре. Она представляет собою хороший противовес распространенным в наше время теориям этики в духе натурализма: в них утрачена идея абсолютного добра, осуществимого лишь в Царстве Божием.

Своеобразие моей теории знания состоит в том, что она есть всесторонний интуитивизм: согласно этой теории все виды знания, и чувственное восприятие, и мышление, например математическое, и религиозный опыт, суть непосредственное созерцание нами самой действительности** в подлиннике (см. мою книгу «Чувственная, интеллектуальная и мистическая интуиция»). В моей «Логике» на основе интуитивизма разработана теория всех видов умозаключений в иной форме, чем это принято в традиционной логике. Большая часть умозаключений объясняется в логике на основании отношения объемов понятий; такое направление называется экстенционализмом. Например, возьмем главный вид силлогизмов, примером которого может служить умозаключение «всякое нагревание маятника удлиняет его; всякое

* Более подробно об этой черте русской философии Н. О. Лосский писал в статье «Идея конкретности в русской философии», которая впервые была опубликована в 1933 г. в журнале «Научные труды Русского народного Университета в Праге».

** В газетной статье напечатано слово «деятельности», рукой Н. О. Лосского исправлено на «действительности».

удлинение маятника замедляет ход его, следовательно, всякое нагревание маятника замедляет ход его»^{*}.

Традиционная логика объясняет такие умозаключения принципом «сказанное о всем классе предметов должно быть сказано и о каждом единичном предмете и в виде предметов, входящих в объем класса».

В моей «Логике» все теории умозаключений основаны на отношении содержания понятий, а не объемов их. Такое направление в логике называется компрегенсивизмом. В своей теории суждений я доказываю, что всякое суждение содержит в себе связь основания и следствия. В приведенном примере «нагревание маятника» есть основание, а удлинение маятника — следствие; далее, «удлинение маятника» есть основание, а «замедление хода маятника» — следствие. Итак, согласно моей теории принцип этого умозаключения такой: основание основания есть основание следствия. Такая теория объясняет умозаключение, исходя из более существенной стороны его, чем отношение объемов понятий. Из нее следует, что каждый шаг в нашем процессе познания требует наблюдения над содержанием понятий и чисто формальная логика неосуществима.

В наше время широко распространена так называемая математическая или символическая логика, которая задается целью быть чисто формальной логикой. Насколько эта наука резко отличается от традиционной логики, я поясню примером, как в ней понимается связь мыслей, выраженная словами «если... то», т. е. связь условия и следствия. Согласно математической логике, в условном суждении всякое истинное суждение, содержащееся в первой его части, обосновывает всякое другое истинное суждение. Поэтому, например, суждение «если дважды два — четыре, то Нью-Йорк — большой город» есть правильная связь условия и следствия. Ложное суждение служит условием для всех других суждений, как истинных, так и ложных. Значит, суждение «если дважды два равно пяти, то Нью-Йорк — большой город», а также суждение «если дважды два равно пяти, то Нью-Йорк — маленький город» содержат правильную связь условия и следствия. Только в том случае, если условие есть истинное суждение, а следствие — ложное суждение (например, «если дважды два равно четырем, то Нью-Йорк — маленький город»), получается целое, не содержащее в себе правильной связи условия и следствия. Примеры эти не выдуманы мною; они взяты из английского издания книги «Введение в логику» Тарского, одного из виднейших представителей математической логики (1941, стр. 26)^{**}. Из них ясно, что в математической логике под связью условия и следствия, выраженной в условном суждении, разумеется чрезвычайная абстракция, резко отличная от того, как понимает условное суждение традиционная логика. Прав поэтому проф. Veatch, который в своей статье

^{*} В газетной статье предложение заканчивается на фразе «всякое нагревание маятника удлиняет его; всякое удлинение маятника замедляет ход его». Ручкой Лосского на газетной вырезке дописано в конце предложения: «следовательно, всякое нагревание маятника замедляет ход его».

^{**} Лосский скорее всего имеет в виду работу Альфреда Тарского «Введение в логику и методологию дедуктивных наук», которая впервые была опубликована в 1936 г. на польском языке и в 1941 г. с дополнениями вышла в Нью-Йорке на английском языке.

«Аристотелева и математическая логика» сказал: природа и цель логики, как она понимается в одной из этих дисциплин, может оказаться столь радикально отличающейся от того, как она понимается в другой дисциплине, что назвать их обе логикой значило бы сделать это слово безнадежно двусмысленным» (журнал «The Thomist», январь 1950, стр. 51)*.

Труды С. Л. Франка содержат в себе много оригинальных учений. В его основной работе по гносеологии «Предмет знания» есть много плодотворных мыслей; такова, например, его теория числа; существенно важный вклад в логику заключается в его учении об определении понятий, как синтетическом суждении; не менее важна его теория силлогизма, как органического целого мысли. Книга «Непостижимое» содержит в себе весьма своеобразное учение о том, что глубинная основная реальность невыразима рациональным знанием и постигается не иначе, как путем свободного «витания» над двумя противоречащими друг другу суждениями. В социальной философии Франка чрезвычайно ценно учение о том, что личность есть «я», необходимо противостоящее другой личности «ты», причем эта противопоставленность преодолевается в «мы». Необходимая соотнесенность «я» и «мы», говорит он, указывает на источник этого отношения, Бога, и таким образом устойчивое общественное бытие, избегающее как деспотизма, так и анархии, возможно лишь на основе религиозного сознания его участников.

В метафизике Карсавина оригинальна чрезмерность использования им учения о том, что Абсолютное есть Всеединство. В своей «Философии истории» он выработал ценные для историков методологические правила, показав, что взаимное влияние народов и культур не есть внешнее причинное воздействие их друг на друга, а также установив, что природа страны и все материальные условия бытия влияют на исторический процесс не сами по себе, но лишь поскольку они преломлены в сознании и претворены в социально-психический элемент.

Н. А. Васильев, приват-доцент Казанского университета, того университета, в котором Лобачевский выработал неевклидову геометрию, выполнил аналогичный труд, оригинальный в области логики: он набросал очерк неаристотелевой логики, именно без закона противоречия**.

В высокой степени оригинален также иррационализм Шестова, борющегося против «необходимых» истин рационального мышления и во многих случаях остроумно вскрывающий недостатки их.

Если принять во внимание, что русская философская мысль непрерывно развивается только в течение одного столетия, причем последние тридцать лет в крайне неблагоприятных условиях эмигрантской жизни, то нужно удивляться тому, как много оригинальных мыслей появилось в ней за этот короткий период времени.

* Статья: Veatch H. Aristotelian and mathematical logic // The Thomist. — 1950. — Bd. 13. — S. 50–96.

** Возможно, речь идет о статье Н. А. Васильева «Воображаемая (неаристотелева) логика» (Васильев Н. А. Воображаемая (неаристотелева) логика // Журнал Министерства народного просвещения. — 1912. — Август. — С. 207–246); или докладе: Vasiliev N. A. Imaginary (non-aristotelian) logic // Atti del V Congresso Internazionale di Filosofia, 5–9 maggio, 1924, Napoli. — Napoli, 1925. — P. 107–109.